

— Осень в Италии, — заливалась соловьем тетка Серафима, — Рим, собор Святого Марка, Колизей...

— Пизанская башня, — подсказала я.

— Точно. А она где?

— Должна быть в Пизе. Хотя, может, и нет.

— А в Париже какая?

— Эйфелева.

— Тоже неплохо. Но я хочу в Италию. Осень в Италии — это так романтично. — Она мечтательно вздохнула, а потом добавила: — Ну?

— Что «ну»? — Я сделала вид, что не понимаю, куда она клонит.

— Мы едем в Италию? — капризно спросила тетка Серафима.

С моей точки зрения, делать в Италии мне совершенно нечего. Я с трудом переношу самолеты, не говорю по-итальянски и ненавижу экскурсии. У меня друзья в Тбилиси, а мама в Риге, чем не заграница?

— Далась тебе Италия, — робко начала я, заведомо зная, что против тетки мне не устоять. — Я вообще-то к своим думала...

— Ты ж в июне была, на мамулин день рождения.

— Ну и что? Я скучаю. К тому же, Рига — красивый город.

— Подумаешь, Рига. Только и хорошего в этом городе то, что там родились два замечательных человека.

— Первый — это я. А кто второй?

— Второй, деточка, твоя тетя.

— Такого счастья город не выдержит...

— Подожди, они мне еще памятник поставят, — уверенно заявила тетка.

— За что? — хмыкнула я, прикидывая, как бы половчее отделаться от Серафимы.

Каждый год я пытаюсь проделать этот фокус, впрочем, без особого успеха. Сколько себя помню, отпуск, а раньше — каникулы мы проводили вместе. Боюсь, это стало незыблемой традицией. Тетка Серафима — младшая сестра моей мамы, разница в возрасте у них исчисляется пятнадцатью годами. Когда маме исполнилось восемнадцать, а Серафиме соответственно три, они осиротели, в один день лишившись отца, матери и бабушки в результате дорожной аварии. Маме пришлось заменить Серафиме родителей. Я же воспринимала Серафиму как старшую сестру, разница в возрасте была невелика, а теткой называла из вредности. Мы дружим с детства, и я ее очень люблю. Беда в том, что Серафима вечно что-нибудь выдумывает. То потащит меня на Камчатку, любоваться гейзерами и вулканами, то на Алтай

конным маршрутом (об этом отпуске я по сию пору вспоминаю с душевным трепетом), то ей позарез нужна Сибирь и Саянские столпы. Конечно, все это очень здорово, но все дело в том, что я ужасно ленива. Лучший отдых для меня — валяться на диване с хорошей книгой, пить чай с лимоном и воображать себя в роли Марии Стюарт. Шиллера наш театр не ставит, но я не теряю надежды.

— Ну? — повторила Серафима сурово.

Я вздохнула и ответила:

— Поехали. — Голос звучал жалко, я в очередной раз мысленно упрекнула себя в отсутствии характера. Не мечтать мне о Марии Стюарт.

— Чего-то я энтузиазма не наблюдаю, — еще больше посуровела Серафима.

— Я пока не осознала всей прелести, — попробовала я оправдаться.

— Осознаешь. Мы тебя там замуж выдадим за итальянского графа или герцога. Будешь играть в Ла Скала.

— В Ла Скала поют.

— А ты сыграешь. Знаешь, что все в жизни решает? Правильно, деньги. Так что сыграешь.

— А я где-то читала, что итальянские аристократы бедны, как церковные мыши.

— А мы миллионера отыщем, он купит титул и сделает тебя графиней. Один свободный миллионер в Италии найдется, страна немаленькая. Считай, ты уже арис-

тократка. С такой-то красотищей это плевое дело.

— Конечно, — лениво согласилась я. По мне, так лучше выглядеть как Фаина Раневская, само собой, при этом имея ее талант. Думаю, талант у меня есть, жаль только, не многие стремятся его лицезреть. Конечно, мне грех жаловаться, в родном театре я занята почти во всех спектаклях. Но это благодаря тому, что оба наших режиссера просто поглупели, изо дня в день лицезрея мои небесные черты. Подозреваю, что в глубине души они считают меня бездарной. Одно хорошо: оба уже в весьма почтенном возрасте, и их интерес ко мне носит чисто эстетический характер.

— Хорошо, я выйду замуж за герцога, — сказала я. — Если ты настаиваешь...

— Я беспокоюсь о близком существе.

— Это я существую?

— А о ком мы говорим?

— Слушай, ты уже наговорила на сотню. Может, простимся? — без особой надежды спросила я.

— Ну и манеры у тебя, нет чтобы тетке «спасибо» сказать...

— Спасибо, — проямлила я. — Только за что?

— За заботу. Решено, в отпуск едем в Италию. Ты, я и вечный город. Скажи, класс?

Я сказала.

А через две недели я выгружалась из автобуса, нервно поглядывая по сторонам в поисках любимой тетушки. Ее нигде не наблюдалось. На Серафиму это не похоже. Три дня назад я отбила телеграмму, указав дату и час своего прибытия. И хотя на оркестр и ковровую дорожку я не рассчитывала, но надежды питала, что меня все-таки встретят и стоять в обществе трех огромных чемоданов не придется.

С трудом оттащив багаж в сторонку, я тосковала, продолжая высматривать в толпе тетушку. Через полчаса я стала злиться, повторяя: «Где ее черти носят?», потом, оставив чемоданы под присмотром старушки, торговавшей семечками, бросилась к телефону. Он не работал, так же как и два других, обнаруженных мной на вокзале. Прошел час. Для конца августа было невыносимо жарко, я то и дело вытирала лицо платком и уже начинала проклипать все на свете. Надо что-то решать. Или тетка не получила мою телеграмму, или дела чрезвычайной важности помешали ей встретить дорогую племянницу. По моему мнению, таких дел у тетки быть не могло. Значит, все-таки виновата была телеграмма. Ждать далее не имело смысла. Я взглянула на свой багаж и, вновь поручив его заботам старушки, побрела к стоянке такси. Длинная вереница машин предстала моим глазам, в первой сидели два мордастых парня и резались в карты.

— Извините, вы свободны? — жалобно

спросила я: день начался неудачно и ничего хорошего я уже не ждала.

— Свободен, — ответил хозяин такси, не удостоив меня взглядом.

— Вы не могли бы подъехать за моим багажом, вон туда?

— А там «кирпич», — злорадно сообщил таксист, собирая карты.

Его приятель оказался человекомлюбивее, увлеченно меня разглядывая, он сказал:

— Наплюй на «кирпич», Вася. Помоги девушке.

Теперь на меня уставился и Вася, а потом милостиво кивнул:

— Садитесь.

Через минуту он забросил мои чемоданы в багажник, я назвала адрес, и мы отправились к Серафиме.

— Из отпуска? — спросил он.

— Нет, в отпуск.

— А сами откуда?

Я ответила.

— Значит, отдохнуть к нам?

— Решила навестить тетю. Дала ей телеграмму, а она меня не встретила.

— Бывает. У меня один раз так вышло: послал телеграмму жене, домой приехал, а телеграмма к вечеру прибыла вслед за мной.

— Я три дня назад посылала...

— А, бардак кругом, — махнул он рукой.

Мы въехали во двор теткиного дома и

затормозили у подъезда. Я вышла из машины, подняла голову и посмотрела на Серафимины окна. Никто оттуда мне не улыбался и не размахивал руками.

— Какая квартира? — спросил таксист.

— Спасибо большое, я сама как-нибудь...

— Донесу, мне нетрудно.

— Третий этаж... — усомнилась я.

— Ерунда, идемте.

Мы поднялись на третий этаж: я с одним чемоданом, а «добрый самаритянин» с двумя. Я нажала на кнопку звонка — он не работал. Тогда постучала. Дверь открылась, и я увидела тетю Веру, соседку Серафимы из одиннадцатой квартиры.

— Лика, — ахнула та. — Лика, милая, приехала... а что ж Серафима-то ничего мне не сказала? Или ты сюрпризом?

— Телеграмму посылала... — с некоторой обидой ответила я.

— Бог с ней, с телеграммой. Вот тетка-то обрадуется...

Мы обнялись и облобызались. Тетя Вера — добрая душа и одинокая женщина, Серафима ей как родная.

— Вот видите, — сказал таксист. — А вы переживали. Говорил, телеграмма запоздала, так и есть.

Раз пять сказав ему «спасибо», я распрощалась и вошла в квартиру.

— А Серафима где? — спросила на ходу.

— Дома. Голова у нее с утра болит.

Тут я увидела свою тетушку. Она возлежала на диване, вытянув ноги в туфлях на устрашающей высоты каблуках. Голова ее была обмотана полотенцем, в левой руке чашка, а в правой сигарета.

— Привет, — сказала я.

Серафима на меня посмотрела и закатила глаза.

— О господи... Я про тебя забыла.

— Приятно слышать. Между прочим, я час прождала на вокзале. У меня три чемодана, и все тяжелые. Я выхожу замуж за графа или уже нет?

— Иди я тебя поцелую, дитятко.

— Ты свинья, Серафима.

— Да ладно, не злись...

Мы поцеловались, и я села рядом, подозрительно ее разглядывая.

— Что-нибудь не так? — спросила я через минуту.

— Прости меня, убогую. Я должна была предупредить, чтобы ты не приезжала.

— С чего это вдруг? — удивилась я.

— Неприятности. И весьма крупные.

— Что еще за неприятности? Влюбилась?

Тетушка махнула рукой.

— Работа...

Я нахмурилась. Ее работа с самого начала не вызывала у меня доверия. То есть не сама по себе (работала она бухгалтером), а место, где тетушка прикладывала свои недюжинные способности. Местом

этим было казино. А я являюсь убежденным противником азартных игр.

— Развалилась ваша контора? — задала я наводящий вопрос.

Тетка разглядывала потолок, я тоже подняла голову и с готовностью на него воззрилась. Ничего интересного обнаружить не удалось.

— Говорю, контора ваша развалилась? — напомнила я о своем существовании, повышая голос.

— Контора процветает, — хмыкнула в ответ Серафима. — А я, судя по всему, скоро накроюсь.

— Что? — не поняла я.

— Повесили на твою тетушку восемьдесят семь миллионов. Отдать нужно в недельный срок. Со вторника включают «счетчик».

Я вытаращила глаза и попыталась переварить информацию.

— Что значит «повесили»?

— То и значит. Подставили, прокатили, обьегорили. Короче, у меня неприятности и головная боль.

— Ничего себе неприятности. Неприятность — это когда каблук сломаешь, а здесь восемьдесят семь миллионов... Это же... Ты ведь этих денег не брала? — строго спросила я.

— Само собой.

— Так чего ж на диване лежишь? Надо идти в милицию, в прокуратуру... не знаю, какие еще органы этим занимаются.

— Ты, деточка, часом не спятила? Какие органы тебе привиделись?

— Местные.

Серафима свистнула и даже пальцем у виска покрутила, так ее потрясла моя крайняя отсталость.

— Послушай, ты ведь не собираешься их отдавать? — ужаснулась я. — Где ты возьмешь такие деньги?

— Продам квартиру, машину, гараж...

— А также мебель, одежду и обувь, — подсказала я, тетка нахмурилась. — Не можешь ты серьезно говорить подобную чепуху. Постой, а этот, как его, Петр Сергеевич, твой директор. Ты утверждала, что он сказочной доброты мужик. Он что говорит?

— Во-первых, оказалось, что не только доброты, но и простоты. Во-вторых, он уже десять дней где-то отдыхает, и найти его возможным не представляется.

— Ты ходила к юристу, консультировалась?

Тетка опять выразительно покрутила пальцем у виска.

— Молчи лучше, не тревожь меня.

— Что-то я не понимаю, — стала я гневаться. — Странно ты себя ведешь. Ни за что ни про что с нее требуют огромные деньги, а она на диване лежит и потолок разглядывает.

— Я не просто разглядываю, я думаю.

— И что надумала?

Тетушка тяжело вздохнула.

— Придется платить. Ох, все-то нам по грехам нашим!

— Какие грехи? Ты брала эти деньги или нет? Изъясняешься чрезвычайно туманно, это меня тревожит...

Я не успела до конца высказать свою мысль, как хлопнула входная дверь, и в комнату бесцеремонно ввалились две личности мужского пола и совершенно непотребного вида. То есть вид сам по себе был довольно обыденным, но подобных манер мне никогда раньше наблюдать не приходилось. Поэтому в первую минуту я растерялась, а потом и вовсе лишилась дара речи. Эти типы вломились в квартиру, не дав себе труда постучать или каким-то иным тривиальным способом оповестить о своем появлении, пнули ногами дверь комнаты, насвистывая и на ходу засовывая руки в карманы давно не стиранных штанов. У одного из них недоставало половины передних зубов, у другого левое веко было как-то странно прикрыто. В общем, они производили впечатление немых, ущербных и совершенно неуместных в Серафиминой квартире личностей.

Тетушка не проявила по поводу их появления ни ужаса, ни удивления.

— Привет, Серафима, — сказал беззубый.

— Привет, — ответила она равнодушно и продолжила разглядывать потолок.

— Ну и как там наши денежки? — ух-